ПИСАТЕЛЬ УШЕЛ В ПОГРАНИЧНЫЙ ДОЗОР

Осенью прошлого года сотрудники и авторы грузинского журнала «Нианги» («Крокодил») провозжали в очередную поездку своего редактора. В очередную, но не обычную: **НОДАР ДУМБАДЗЕ, ПИСАТЕЛЬ, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА**, ехал служить на границу.

Спустя несколько месяцев по возвращении Н. Думбадзе в Тбилиси корреспондент газеты «Молодежь Грузии» Д. Имедашвили беседовал с писателем. Вот сокращенная запись этой беседы.

— Как вы стали пограничником?

— На одной из встреч с воинами границы меня попросили написать о них. «И рад бы, — ответил я, — да не знаю, как и о чем писать. Надо ведь и в дозоре постоять, и по тревоге в поиск выходить...». К моим словам отнеслись серьезно: «Это дело поправимое. В дозоре постойте, было бы желание». Желание было. И я сменил гражданскую кепку на зеленую фуражку и получил назначение на одну из застав Закавказского пограничного округа. Так я стал пограничником. Только это не тот случай, когда надо ставить рубрику «Писатель переменил профессию...».

— Тогда что же это? Творческая командировка!

— Да нет, я бы сказал, что это была настоящая служба со всеми сопутствующими ей радостями и тяготами. Что же касается творческих командировок, предпринимаемых с целью «познания жизни», то я не очень уж жалую их. Был я однажды в такой и оказался в неприятной для себя роли стороннего наблюдателя. Это мне ничего не дало. Нужно не наблюдать, а жить той жизнью, о которой пишешь. Иначе ничего не получится.

— Какой представляли вы себе границу до выезда на заставу! Совпали ли ваши, сугубо штатские, представления о ней с действительностью!

— К счастью, нет. Раньше я представлял себе границу как место с наиболее высокой плотностью «деттивов» на каждый квадратный километр. Словом, это были представления, навеянные плохими кинофильмами. Граница, какой я увидел ее, понял, почувствовал, — это нечто очень светлое, возвышенное, ко многому обязывающее. Здесь, на границе, чувствуешь себя невероятно сильным, смелым, богатым, потому что ощущаешь за собой такую великую страну. Может быть, это и наивно, но когда стоишь на границе — думаешь, что судьба твоей Родины и 237 миллионов твоих сограждан зависит от тебя. Думаешь так и зазнаешься — в самом хорошем смысле этого слова, и ходишь очень гордый. В общем это такое чувство, что в интервью не выскажешь.

— На какой заставе вы служили!

— Т-с-с, не так громко. Представьте себе село, расположенное на берегу Н-ского моря, у подножия Н-ских гор. Село делит речушка, так что один родственник живет на этом берегу, другой — на том. Граница как раз проходит по речке. В ней столько форели, что ее можно голыми руками ловить, но на границе мне было не до рыбной ловли. Да, там чудесное место, словно специально для курорта созданное. Я оптимист и надеюсь, что когда-нибудь здесь будет дом отдыха.

— Какие обязанности выполняли вы на заставе! Стояли ли в дозоре, поднимались ли по тревоге! И вообще делались ли вам какие-либо скидки!

— Я был заместителем начальника заставы по политической. Мое воинское звание — младший лейтенант. Службу нес, как все: ходил в наряд, в дозор, и днем и ночью поднимался по тревоге и других поднимал. Скидки мне делали, но я не принимал ее.

— Была ли у вас на заставе своя Мурада!

— На заставе было пять собак, но отношения у меня с ними складывались не в мою пользу. Думаю, нет на свете смельчака, который мог бы претендовать на такие же отношения с ними, какие были у Зурикела и Муреды. Это собаки другие. Они лают весь день, чтобы молчать ночь напролет. Способны загрызть быка и даже волка.

— Были ли тогда на заставе задержания, нарушения и т. п.!

— Были. Шли как-то с той стороны. Точнее, ползли. Сразу же были обнаружены и задержаны. Нарушили границу якобы в поисках лучшей жизни. Среди задержавших их пограничников был однофамилец легендарного Пархоменко, очень сильный, веселый, красивый парень. Привел он нарушителей на заставу. На другой день он ревел, как раненый медведь, — это когда малюсенькая девушка, зубной врач, зуб ему вырывала. Я сказал ему тогда: «Пархоменко, не позорь фамилию!».

— Какими вы представляли себе нарушителей, и какими они оказались на самом деле!

— Какими представлял! Физически сильными, хорошими стрелками, которые пулю в лоб за версту сажали. Таких повстречать мне не довелось. Двое, о которых я уже говорил, были испуганными, жалкими. Видел еще двоих на соседней заставе — те уходили от нас. Один — шизофреник, другой — сопляк, возмечтавший об «изячной жизни» на Багамских островах.

— Встретили ли вы на границе человека, который мог бы стать героем вашей книги!

— На границе служат замечательные, я бы сказал,

избранные люди, и каждый из них может стать героем повести или романа. Но героем моей повести, если иметь в виду главное действующее лицо, наверное, буду я сам.

— Знали ли на заставе о том, что вы — писатель, лауреат премии имени Ленинского комсомола! Как отнеслись к этому ваши сослуживцы!

— Два пограничника «опознали» меня: украинец Щербина и грузин Горджомеладзе. Сначала ребята стеснялись, но когда я повел их в набег на мандариновую рощу, дела у нас пошли хорошо.

— В песне поется, что «над границей тучи ходят хмуро, край суровой тишиной объят». А в ваших книгах тревоги и радости, смешное и печальное — рядом. В этом отношении дало ли вам пребывание на границе какие-либо наблюдения! И что вы можете сказать о юморе в его, так сказать, пограничном аспекте!

— То, что радостное и печальное — рядом, я увидел и на примере села, разделенного границей. Наша половина — настоящий земной рай, а там... Я это говорю не ради красного слова. Кто побывает там, сам убедится. Об этом я рассказываю в книге.

Что касается юмора, то и на границе иное вызывает и улыбку, и смех. Хотя бы то, что нарушителями часто оказываются медведи, шакалы, коровы, свиньи, собаки... Для них никаких границ не существует. А тревогу на заставе поднимают независимо от того, как передвигается нарушитель — на двух или на четырех конечностях.

Однажды стоял я на вышке. Передо мной на той стороне разыгралась такая сценка. Сторожевая собака утащила из кухни телячью ляжку. Повар с топором в руках бросился за псом в погоню, но, как вкопанный, остановился у пограничного рубежа. Собака преспокойно нарушила границу, и повар схватился за голову. Собака улегалась на запретной для своего хозяина территории и принялась за телятину, изредка иронически поглядывая на повара, словно говоря ему: «Только посмей, только сунься — они тебе покажут...». Наевшись, она снова ушла за кордон...

— Выступая в Боржоми на слете молодой творческой интеллигенции Грузии, вы сказали, что как писатель и просто как человек вы многое получили от общения с людьми, держащими на замке наши границы.

— Да. И я напишу книгу об этих чудесных, добрых и славных парнях, людях подлинной отваги и настоящего патриотизма, которые делом доказывают свою преданность Родине и на любую похвалу отвечают коротко: «Служу Советскому Союзу!».

«Насовская сессия»
2 апреля 1967г.